Мошонкина Е. Н.

СТЕНДАЛЬ, ДАНТЕ И К. ФОРЬЕЛЬ: К ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ДАНТОВЕДЕНИЯ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/47.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 114-120. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Структурная модель: ***Вопросит. мест. + глаг. 3 л***

- Голубчик, ***кто ж спорит?*** *- сказал доктор с таким выражением, как будто давно уже решил для себя все эти вопросы. -* ***Кто спорит?*** [Чехов А. П. Припадок (1889)].

Кому ты нужна? (='никому не нужна…')

Чем я плоха?

Чем они хороши?

Структурная модель: ***Вопросит. мест. + кр. прилаг.***

- Брось, - лениво предложила Эльга. - Кому все это надо? - Если так рассуждать - ничего никому не надо. И никто никому. **Кому ты нужна**? - И я никому не нужна. [Виктория Токарева. Зануда (1964-1994)]

В тексте эти вопросительные КРА нередко оформляются как повествовательные предложения.

- Та **кому ты нужен**. Сам пристает то до одного, то до другого. Тю! [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969-1975)].

При произнесении этих предложений говорящий выражает свои чувства по поводу сообщаемого невербальными средствами: тембром голоса, тоном, мимикой и т.п. [Кобозева 2000: 88].

Следует отметить, что КРА свойственны явления синонимии и антонимии, ср.:

Что в этом плохого? - Что хорошего?

Чем я плоха?- Чем я не хороша?

Чем я могу вам помочь? - Кто мне поможет?

- Значит, регионы-доноры по-прежнему будут зарабатывать для бедных? - А **что в этом плохого**? Это абсолютно нормальная и естественная ситуация. [Елена Зверева. Делиться надо // "Московский комсомолец", 2003.01.14].

Люблю эту потеху, и у древних римлян были подобные забавы, да еще почище нашего: их гладиаторы бились не на живот, а на смерть. - Да **что в этом хорошего**? - А вот попробуй посмотри, так, может статься, у самого разыграется кровь молодецкая [М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)].

Список использованной литературы

1. **Кайгородова И. Н.** Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка). - Астрахань, 1999. - 249 с.
2. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика: Учебник. - М., 2000. - 352 с.
3. **Лобанова Н. А.** Вопросительные и отрицательные предложения в русском языке. - М., 1971.
4. **Поспелова А. Г.** Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. - Л., 1988. - С. 141-152.
5. **Серль Дж. Р.** Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1986. - Вып. 17: Теория речевых актов. - С. 151-170.
6. **Шатуновский И. Б.** 6 способов косвенного выражения смысла // Семантика и прагматика языковых единиц. - Калуга, 2004. - С. 262-274.

СТЕНДАЛЬ, ДАНТЕ И К. ФОРЬЕЛЬ: К ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО ДАНТОВЕДЕНИЯ

Мошонкина Е. Н.

Астраханский государственный университет

Из трех вынесенных в заголовок имен собственных лишь имя Форьеля ничего не говорит русскому читателю. Клод Форьель (1772-1844 гг.), известнейший в свое время историк, лингвист, критик и переводчик, один из идеологов романтического направления во Франции, стоял у истоков французского дантоведения. Именно с его курсом 1832-1834 гг. в Сорбонне принято связывать начало серьезного изучения Данте на родине Мольера. Несмотря на то, что еще до Форьеля о Данте писал Сисмонди, что о нем упоминал в своих университетских лекциях Вильмен, именно Форьелю принадлежит честь заложить основы научного дантоведения в этой стране, первым камнем в основании которого стало его посмертно изданное двухтомное исследование «Данте и история итальянского языка и литературы».

Замысел настоящей статьи был подсказан наблюдениями за дантовскими (и не только) реминисценциями в «Жизни Анри Брюляра» и «Записках эготиста» Стендаля. Сопоставление этих текстов, в которых Форьель упоминается неоднократно, с дантоведческими текстами самого Форьеля порождает интересный эффект зеркальных отражений, одновременно составляя оригинальный (порой пикантный) комментарий к истории французского дантоведения.

1. Поэтика имени собственного в автобиографической прозе Стендаля.

Форьель и Стендаль познакомились около 1821 г. и в течение некоторого времени тесно и с удовольствием общались, пока небольшая война, объявленная Стендалю приятельницей Форьеля мисс Мэри Кларк, не нарушила дружбы и не отдалила их друг от друга. Стендалеведам имя Форьеля знакомо благодаря его участию в создании трактата «О любви», но особенно благодаря многочисленным упоминаниям, в частности, в главе пятой «Воспоминаний эготиста» и в главах восьмой и девятой «Жизни Анри Брюляра». Данные упоминания представляет собой серию анекдотов и замечаний, зачастую шокирующего характера (особенно в части, касающейся личной жизни Форьеля и его связи с госпожой де Кондорсе). Более того, анализ упомянутых сочинений выявляет биографические аналогии между детством обоих друзей. Далее мы попытаемся

показать, что аналогии эти не надуманны, а подсказаны самим текстом, в котором завязываются сложные связи между воспоминаниями о Гренобле и именем Форьеля.

В девятой главе «Брюляра» Стендаль так описывает Гренобль:

«Все, что низко и плоско в мещанском сословии, напоминает мне Гренобль, все, что напоминает мне Гренобль, внушает мне ужас, нет, *ужас* слишком благородное слово, *тошноту*... Гренобль для меня как воспоминание об отвратительном несварении; опасности нет, но есть невероятное отвращение» [Stendhal 1982: II, 620][1].

Рискнем предположить, что с точки зрения романиста Гренобль, это воплощение мещанской ограниченности, был идеальным городом для Форьеля. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на удивительную характеристику, которую дает Стендаль своему другу, и которая следует в тексте непосредственно за упомянутыми реминисценциями Гренобля:

«…в качестве примера мещанской низости я упомяну стиль моего превосходного друга г-на Форьеля (из Института), в его превосходной “Жизни Данте”, напечатанной в 1834 г. в “Revue de Paris”. Увы! где все это будет в 1880 г.? Какой-нибудь хорошо пишущий остроумец завладеет глубокими исследованиями превосходного Форьеля, и работы этого добросовестного буржуа будут полностью забыты» [Stendhal 1982: II, 625].

Было бы неосмотрительно с нашей стороны пускаться в обсуждение данной оценки, которую следует рассматривать в комплексе со всеми пометами и воспоминаниями, относящимися к Форьелю в «Брюляре» и «Воспоминаниях эготиста». Однако представляется совершенно очевидным, что вопрос более сложен, чем это показалось некоторым исследователям. Мы имеем в виду прежде всего А. Гальпена, который, говоря о «Брюляре» упоминает лишь о «дружеских комментариях»:

«Стендаль познакомился с Форьелем около 1821 г. и, судя в особенности по дружеским комментариям в “Жизни Анри Брюляра”, активно восхищался им, в то же время не терпя мисс Кларк. Похоже, дружбе был положен конец взаимной неприязнью Мари и Бейля...» [Galpin 1962: 33].

Анри Мартино тоже скорее ставит новые вопросы, нежели предлагает ответы, когда пишет, что «Стендаль, продолжая отдавать должное учености и оригинальному уму Форьеля, не жалел критики в том, что касалось его характера и стиля» [Martineau 1948: 219].

Для понимания цитированного отрывка необходимо предварительное разъяснение того, что Стендаль подразумевал под «мещанской низостью» - выражением, которое он употребляет часто и по отношению к разным людям. Может показаться странным, что стиль «Данте», сугубо биографического исследования, названного в той же фразе превосходным, мог быть оценен как претенциозный и тщеславный: ибо именно этим мещанский стиль, по мнению Стендаля, отличается от стиля аристократического, автор которого не стремится использовать материал как повод для демонстрации собственной личности. Стендалевские нападки выглядят тем более удивительно, что исследование Форьеля, безусловно, принадлежало к лучшему, что могла предложить наука того времени.

Если не вырывать замечания, касающиеся Форьеля, из контекста, то легко заметить, что его имя постоянно ассоциируется у романиста с довольно ограниченным набором негативных для него образов, среди которых в первую очередь следует упомянуть Гренобль, провинцию, антиаристократизм. Форьель был в некотором роде двойником Стендаля, но двойником, приспособившимся ко всему, что возмущало писателя. Как и Стендаль, он приезжает в Париж бедным провинциалом, но, начиная с этого момента, их судьбы расходятся. Форьель быстро становится своим в кругу бывших «идеологов», враждебных наполеоновскому режиму (Стендаль, как известно, восхищался Наполеоном и своей карьерой был обязан Империи), усваивает парижский стиль жизни и мышления (который Стендаль ненавидел; он даже пытался, в виде бунта, сформировать себе новую, дофинуазскую идентичность), и опускается (как банальный парвеню, по мнению Стендаля) до того, что становится любовником женщины более знатной и старшей его на 8 лет[2] (Стендаль, как известно, предпочитал актрис). Форьель должен был воплощать в глазах Стендаля одновременно и провинциальность и все типично парижское. Провинциалом он был по происхождению (так, Стендаль не упускает возможности подчеркнуть то, что считает типично мещанской вульгарностью его характера в истории с рентой госпожи де Кондорсе[3]), парижанином - по претенциозности, характерной, если верить Стендалю, для его стиля. Иначе говоря, все выглядит так, словно, несмотря на искреннее восхищение Форьелем, Стендаль в то же время не перестает сводить с ним некие счеты. Отсюда - двойственность его оценок. Посмотрим теперь, как это конкретно происходит в текстах.

Как известно, в «Воспоминаниях эготиста», начатых в 1832 г. и заброшенных после двух недель работы, речь идет о событиях эпохи Реставрации. Имя Форьеля появляется в первый раз в главе пятой, среди завсегдатаев салонов господина де Треси и вдовы Кабаниса в 1821 г. Дестутт де Траси, автор знаменитого трактата «Элементы идеологии» и член Отейского общества[4], был старым знакомым Форьеля. Несмотря на то, что Стендаль приехал в Париж в эпоху, когда еще мог застать там собрания Отейского общества, его знакомство с «идеологами» состоялось намного позже, в десятые годы 19 в., когда он стал чиновником Импе-

[1] Перевод наш. Е. М.

[2] Речь идет о Софи де Кондорсе, вдове философа, связь с которой продлилась больше двадцати лет.

[3] См. об этом дальше.

[4] По имени парижского предместья Отей, где в салоне вдовы Гельвеция собирались «идеологи», последователи Кондийяка.

рии. В 1806 г., в одном из писем сестре Полине, он еще отзывался с глубоким уважением о Кабанисе и де Траси.

В 1832 г. уважение уступило место иронии и сарказму. Ко времени Реставрации его отношения с «идеологами» сделались учтивыми, но подчеркнутая вежливость плохо скрывала взаимную несовместимость. Стендаль пугал их своими намеренно шокирующими высказываниями и поведением в обществе, которое сам характеризовал как «энергичную простоту» (см. его странную политическую дискуссию с де Траси и Тюро в «Воспоминаниях эготиста»[1]). Вспоминая это время, он напишет: «…я поражал и скандализировал всех моих знакомых. Я был чудовище или бог. Даже сегодня все общество мадемуазель Кларк твердо уверено в том, что я чудовище» [Stendhal 1982: II, 467][2]. Конечно, со стороны провинциала Стендаля имел место бунт против замкнутого мирка парижских интеллектуалов и против столичного стиля жизни; но было и реальное осознание дистанции, отделявшей его от пережитков века Просвещения. Либерализм, официальная религия салона де Траси, должна была казаться чуждой бонапартисту Стендалю. Язвительность, которую он демонстрирует в описании завсегдатаев салона в «Воспоминаниях эготиста», проявляется как в отношении самих де Траси и Кабаниса (которых он, в общем, почитал), так и в отношении их близких[3].

Именно у госпожи Кабанис Стендаль в 1821 г. познакомился с Форьелем («единственным… примером нешарлатана среди людей, пускающихся писать» [Stendhal 1982: II, 467]). Вот как он резюмирует отношения Форьеля с двумя женщинами, сыгравшими главную роль в его жизни:

«Г. Форьель, с которым г-жа Кондорсе после своей смерти обошлась презрительно (это была лишь падкая на плотские удовольствия женщина), зачастил к полугорбатой сороке м-ль Кларк» [Stendhal 1982: II, 467].

Презрительные оценки в упомянутом тексте и в «Брюляре» госпожи де Кондорсе вызывают множество вопросов. Так, неясно, на чем основывается Стендаль, неоднократно упоминая о склонности Софи к «физическим наслаждениям». «Благородная и очаровательная подруга» [Sainte-Beuve 1855: 480] Форьеля была «известна совсем с другой стороны» [Bertelà 1985: 60]. В своем исследовании «Стендаль и Другой» М. Бертела называет высказывания Стендаля просто-напросто сплетнями[4]. Столь явная антипатия вызывает тем больше вопросов, что не удалось найти ни одного доказательства их личного знакомства. Известно, напротив, что в 1806 г. он прочел ее перевод «Теории моральных чувств» А. Смита с «Восемью письмами о симпатии». Он подробно сообщает об этом сестре Полине и называет письма «превосходными» [Stendhal 1967: I, 180]. Совершенно очевидно, что в это время они не были знакомы, и вряд ли могли встретиться позже (госпожа де Кондорсе умерла 8 сентября 1822 г.). Похоже, пресловутое упоминание о склонности к «физическим наслаждениям» основывалось на слухах и косвенных источниках. Это еще более очевидно в «Брюляре». Если некоторые пассажи этой книги, относящиеся к Форьелю и госпоже де Кондорсе, и доказывают, «насколько некоторые антипатии нашего автора были укорененными» [Bertelà 1985: 67], еще больше они подчеркивают неточность и сомнительное происхождение его оценок.

В написанном в 1835 г. «Брюляре» завязываются еще более сложные, нежели в «Воспоминаниях эготиста», связи между стендалевским текстом и Форьелем-персонажем. Форьель упоминается в начале восьмой главы, в которой Стендаль излагает историю своих итальянских корней. Он начинает с пересказа слов своей тетки Элизабет о том, что его дедушка был родом из Авиньона. Окончательно утверждает Стендаля в идее своего итальянского происхождения то, что итальянский язык был в большой чести в семье, начиная с матери, читавшей Данте в оригинале. Именно в этот момент он вспоминает Форьеля:

«… ибо из всех известных мне французов лишь двое: г. Форьель, сообщивший мне арабские любовные истории[5], и г. Делеклез, что из «Débats», понимают Данте. И, однако же, все парижские писаки без конца грязнят это имя, цитируя его и воображая, что разъясняют» [Stendhal 1982: II, 604].

Хотя Форьель и упомянут здесь в дантовском контексте, самой структурой стендалевского текста он самым тесным образом связан с корнями и детскими воспоминаниями автора. Данте, по словам Стендаля, был его единственным утешением в годы тирании Райяна, его преподавателя в Гренобле. Остаток главы посвящен рассказу об этой тирании.

Но самый показательный пример содержится в главе девятой. Целиком посвященная воспоминаниям о Гренобле, она открывается именем Керубино Бейля («Несмотря на всю свою дофинуазскую тонкость, мой отец Керубино Бейль был страстным человеком» [Stendhal 1982: 613]), а затем читатель вновь встречается с трио госпожа де Кондорсе - Форьель - Мэри Кларк. После уже цитированного пассажа о «Жизни Данте» Стендаль возвращается к связи Форьеля с Софи и рассказывает историю ренты, завещанное ей любовнику:

---

[1] Тюро, профессор Коллеж де Франс, был учеником философа Кондийяка. Вот что пишет о нем Стендаль: «У г-жи Кабанис я познакомился с человеком порядочным, но слишком буржуа, слишком ограниченным в мыслях… Единственной целью г-на Тюро… было сделаться членом Академии изящной словесности. По чудовищному противоречию, этот человек, который не мог высморкаться без того, чтобы не польстить какому-нибудь тщеславцу, способному повлиять на его избрание в Академию, был *ультра-либералом.* Это поначалу сблизило нас, но вскоре его жена, - мещанка с которой я не разговаривал иначе, чем через силу, - нашла меня неосторожным» [Stendhal 1982: II, 463-464]. (Перевод наш - Е.М.).

[2] Общество мадемуазель Кларк состояло из орлеанистов.

[3] См. что он пишет о мадемуазель Кабанис: [Stendhal 1982: II, 463].

[4] «Совсем другого рода его полные ненависти сплетни о г-же Кондорсе, по отношению к которой, как и по отношению ко всем талантливым женщинам, он не выказывает себя ни снисходительным, ни справедливым» [Bertelà 1985*:* 60].

[5] Форьель сообщил ему также любовные истории трубадуров.

«Он (Форьель - Е.М.) был самым красивым мужчиной Парижа. Г-жа Кондорсе (Софи Груши), большой знаток в этом вопросе, присвоила его себе; буржуа Форьель имел глупость полюбить ее и, умирая где-то около 1820 г.[1], она оставила ему 1 200 франков ренты как какому-то лакею. Он был этим глубоко унижен. Я сказал ему, когда он дал мне десять страниц для трактата "О любви": "Когда имеешь дело с принцессой или слишком богатой женщиной, нужно бить ее, или любовь потухнет". Это предложение привело его в ужас и он, без сомнения, сообщил о нем маленькой м-ль Кларк, которая выгнулась, как вопросительный знак,?, как Поуп. Что и явилось причиной того, что вскоре она сделала мне выговор через одного из своих болванов-друзей (г. Огюстена Тьерри, члена Института), с чем я ее и оставил» [Stendhal 1982: II, 625].

В данном отрывке обращает на себя внимание замечание о красоте молодого Форьеля в момент его знакомства с госпожой де Кондорсе, то есть в эпоху, когда сам Стендаль знаком с ним еще не был. Немногое, что известно о внешности Форьеля, не позволяет принять на веру утверждение, что он был «самым красивым мужчиной Парижа». Его внешность относилась, скорее, к разряду «приятных». Это подтверждают два портрета, выполненные госпожой де Кондорсе, на которых изображено симпатичное, но не слишком правильное лицо, чертам которого явно не хватает тонкости.

Более того: все, что известно о его характере, в юности очень стеснительном (Жюли Тальма, первая жена великого трагика, не называла его иначе, как «дикарем»), а в зрелом возрасте уравновешенном (что позволило некоторым критикам назвать его «апатичным» [Martineau 1948: 134], совсем не соответствует типу, который могла бы оценить «любительница физических наслаждений».

В качестве гипотезы можно предположить, что, говоря о Софи де Кондорсе, Стендаль мысленно возвращается к ее связи с Малья Гара (Жаком-Жозефом, племянником знаменитого «идеолога»), продолжавшейся до 1802 г. А. Мартино пишет, что Софи «любила его с безудержной страстью, до самозабвения» [Martineau 1948: 134]. В. Гумбольдт упоминает также другого ее любовника, Ахилла дю Шатле. Вполне возможно, что именно на эти старинные истории, все еще служившие пищей для разговоров в салонах эпохи Реставрации, опирался Стендаль, когда создавал портрет госпожи де Кондорсе. Что же касается ее отношений с Форьелем, это явно не была связь во вкусе любительниц «плотских наслаждений». Два ее письма к нему, написанные в 1809 г. (и хранящиеся в Институте), являются чем угодно, но только не романтическими.

2. Автобиографические реминисценции в дантоведческих текстах Форьеля.

Вернемся к пассажу из «Воспоминаний эготиста», в котором Стендаль упоминает в качестве примера мещанской низости стиль своего «превосходного друга г. Форьеля (из Института), в его превосходной 'Жизни Данте', напечатанной в 1834 г. в 'Revue de Paris'». В действительности отрывки из форьелевского курса в Сорбонне были опубликованы в «Revue des Deux Mondes» [Fauriel 1834: 37-92]; впоследствии они вошли в первый том посмертно опубликованного исследования «Данте и происхождение итальянского языка и литературы» [Fauriel 1854]. Уместно напомнить в нескольких словах историю этого труда. Опубликованный заботами Жюля и Мэри Моль в 1854 г., т.е. через десять лет после смерти автора, он состоит из двух томов, имеющих между собой мало общего. Первый включает в себя курс лекций 1832-1833 гг. и представляет собой биографию Данте с присовокупленным к ней анализом некоторых его произведений; второй, включающий лекции 1833-1834 гг., - объемное эссе по исторической лингвистике, в котором Форьель излагает историю формирования основных индоевропейских языков. Вторая часть, хорошо отражающая состояние лингвистических исследований во Франции в первой трети 19 в., в 1854 г. выглядела уже несколько устаревшей. У критиков 20-го в. она получила еще более суровую оценку. В 1963 г. Рене Веллек, отдав должное вкладу Форьеля в распространение «études dantesques» во Франции, тем не менее, выразил сожаление, что второй том названной монографии был посвящен «устаревшей истории итальянского языка» [Wellek 1963: 650]. Обе части дошли до нас не полностью, поскольку тексты некоторых лекций были утеряны. Согласно распространенному мнению, данное сочинение дает весьма бледное представление о вкладе Форьеля в дантоведение[2]. Тем не менее, опираясь на него и на архивные рукописи и документы, можно получить представление о том, под каким углом зрения Форьель намеревался подойти к творчеству знаменитого итальянца. Его подход можно было бы охарактеризовать как неоднозначный: наряду с прозрениями и оригинальными догадками, которые помещают Форьеля в первый ряд литературных критиков своей эпохи, встречаются и разочаровывающие моменты, непонимание текста, банальности. Его восхищение Данте очевидно, но это восхищение человеком в большей степени, нежели поэтом. Что же касается собственно поэзии, Форьель зачастую оказывается не слишком далек от вольтеровской оценки «Божественной комедии»: «Странное произведение, но сверкающее естественными красотами, в котором автор в мелочах поднимается над дурным вкусом своего века и своего сюжета» [Voltaire 1956: 134].

Но возвратимся к Стендалю. Можно задаться вопросом, не затрагивает ли стендалевская критика, несмотря на свой вроде бы чисто стилистический характер, также и содержание форьелевской статьи. Тем более, что содержание этого небольшого текста, опубликованного в «Revue des Deux Mondes», замечательно во многих отношениях. Прежде всего, из него явствует, сколь мало Форьель был чуток к чисто поэтической красоте текста. Упоминая произведения Данте, он то и дело находит их «странными», экстравагантными и

[1] 8 сентября 1822.

[2] Это мнение было выражено уже Ж. Молем в предисловии к «Dante et les origines de la langue et de la littérature italiennes».

даже просто дурными - достаточно перечитать снисходительные замечания о «Новой жизни» и «Пире»[1]. Лишь «Божественная Комедия» ускользает от подобной часто безжалостной критики, потому что в отличие от так называемых «темных» текстов кажется более поддающейся критике исторической.

В целом, Форьель разделяет мнение своей эпохи о Данте и его поэзии. Вот что некий критик, спрятавшийся за инициалами П. Ф. Т., писал в 1818 г. в «Minerve française»:

«Данте серьезен, ужасен и возвышен; но наделен шокирующими недостатками, странными образами, массой картин, вызывающих негодование жестокостями, которые его воображение изобрело для различных преступлений... Гомер и Вергилий, несмотря на падение религиозности, которому способствовали их песни, беседуют со всем человечеством; их произведения основываются на идеях, которые пребудут вечно. Данте, будучи поэтом почти исключительно только своего времени, эпохи ужасов и предрассудков, не может надеяться стать, как его бессмертные соперники, поэтом всех наций и приемным ребенком их любви. Писатели, люди вкуса, и в особенности те, кого природа наделила священным даром поэзии, сумеют преодолеть трудности и даже отвращение, вызываемое чтением Данте, и воздать ему, тайно или открыто, справедливую дань пережитого восхищения. Но народ не будет читать его, а поэту необходимо народное признание». Впрочем, автор добавлял, что «у него (Данте) всегда будут страстные поклонники» [P.F.T. 1818: 157].

Все же маловероятно, чтобы замечания Стендаля были направлены лишь против чрезмерно «документального» характера статьи Форьеля. Как следует из ее заголовка, она задумывалась как биографическое исследование. Кроме того, широкая источниковая база, до этого почти не известная во Франции, сообщала ей большую важность. Гораздо вероятнее, что Стендаля мог возмутить тон превосходства и снисходительности, с которым Форьель пишет о Данте. Уже упоминавшаяся идея о том, что «Божественная Комедия» явилась предметом торга между поэтом и властями Флоренции - не единственный пример двойственного отношения Форьеля к Данте. Похвалы, которые он ему раздает, зачастую тут же оказываются дезавуированными, как это происходит в следующем отрывке из «Жизни Данте». Речь идет о найденном и опубликованном незадолго до 1830 г. письме поэта, написанном в ответ на предложение флорентийского правительства вернуться во Флоренцию на определенных условиях (в частности, Данте должен был отречься от своих прежних «ошибок»). Вот текст Форьеля:

«Ответ Данте на это письмо недавно был обнаружен и опубликован по-латыни. Он короток; впрочем, каким бы длинным он ни был, его все равно стоило бы процитировать полностью. У нас не будет недостатка в поводах для восхищения гением Данте: здесь речь идет о его душе. Не будь этого письма, мы не узнали бы, насколько она была высокой, сильной и возвышенной в горе» [Fauriel 1834: 39].

Последняя фраза очень показательна: иногда Форьель достигает эффекта совершенно противоположного тому, на который рассчитывал. Приводя в качестве аргумента лишь один источник, само существование которого долгое время оставалось неизвестным, он тем самым релятивизирует свою похвалу. Апеллируя к письму, он словно заявляет, что сама по себе «Божественная Комедия» ничего не дает для понимания человеческих качеств ее автора и протагониста. Другой пример того же рода находим в следующем форьелевском замечании о взаимоотношениях поэта и его родного города:

«Находясь под защитой некоей сеньории, гордившейся возможностью предоставить ему убежище…, окруженный друзьями и почитателями, всецело занятый завершением «Божественной Комедии», наш поэт, казалось, сумел, наконец, забыть неблагодарную Флоренцию, четырежды изгонявшую его и выказывавшую себя более снисходительной к совсем не примечательным людям.

Все обстояло, однако, не так. В душе Данте, столь гордой и энергичной, существовала рана, смягчавшая ее… мыслями о родной земле. Как ни искал, он не мог найти ничего, что помогло бы ему забыть ее...» [Fauriel 1834: 90].

Бинарная структура отрывка, визуально подчеркнутая распределением текста между двумя параграфами, указывает, что Форьель хотел подчеркнуть контраст между официальным признанием, определенным достатком, относительным спокойствием жизни Данте в изгнании и внутренними моральными страданиями, причиненными этим изгнанием. Иначе говоря, он стремился показать сложность и человечность своего героя, которого литературная традиция слишком часто пыталась свести к нескольким клише (см. что Мандельштам пишет о дантовой агиографии в «Разговоре о Данте»), чтобы дополнить «фирменный» портрет Данте чертами страдающего, ранимого, уязвимого человека. Но если исходный посыл Форьеля и впрямь был таковым, то приходится констатировать, что окончательный результат выглядит не слишком убедительно, и что текст не вызывает у читателя того сочувствия к Данте, которое был призван вызывать.

Продолжая список примеров, можно было бы упомянуть форьелевскую версию «обращения» Данте, в определенный момент жизни перешедшего в лагерь гибеллинов. В ней мы встречаем в действии все тот же механизм: вроде бы нейтральное объяснение происшедшего, которое, тем не менее, оставляет ощущение завуалированного осуждения. Таким образом, несмотря на сознательные усилия сделать персонаж Данте привлекательным, Форьелю так и не удается достичь желаемого. Все происходит так, словно у него есть какие-то «счеты» (так и хочется сказать, на уровне подсознания) с Данте, с которыми ему не удается совладать.

---

[1] Например, о «Новой жизни»: «Произведение странное и полное формалистических ребячеств, но любопытное и очень важное для изучения характера и гения Данте» [Fauriel 1834: IV, 39].

Но оставим временно психоаналитические гипотезы и вернемся к уже отмеченной нами тенденции Форьеля подменять в «Жизни Данте» филологический подход историческим. Столь странное отсутствие вкуса и чуткости к средневековой литературе со стороны «литератора» - медиевиста, к тому же пионера дантоведения во Франции, играет порой с Форьелем дурные шутки. Так происходит, например, с анализом «Новой Жизни». Верный своему документоведческому подходу, Форьель использует произведение так, как использовал бы любой другой биографический источник. Лишенная своей мистической составляющей и низведенная до уровня чисто биографической информации, «Новая Жизнь», какой ее видит Форьель, представляет поразительное сходство с его собственной биографией. Например, рассказ о жизни Данте после смерти Беатриче удивительно напоминает его ситуацию после смерти госпожи де Кондорсе, вплоть до деталей. Таковы, например, «серьезные занятия», которым посвящает себя скорбящий Данте и которые вызывают в памяти новый виток в исследованиях самого Форьеля, начавшийся после публикации «Народных песен новой Греции» [Fauriel 1824-1825] и переводов из Мандзони. Более того, весьма соблазнительно увидеть в «молодой и прекрасной даме», утешавшей Данте, двойника мисс Кларк. Процитируем текст Форьеля:

«Все, что Данте мог делать в первое время после потери, - рыдать и целиком отдаться своему горю. Прошли месяцы, прежде чем он смог попытаться выразить свою скорбь в стихах в честь Беатриче... После первых излияний скорби, уступая понемногу потребности в утешении, Данте бросился в более серьезные занятия, чем те, которым он предавался до тех пор... Он нашел в этих серьезных науках утешение, в котором нуждался. Он нашел даже больше, нежели мог надеяться... Постепенно он позволил себе полюбить, по крайней мере, в воображении, одну молодую и прекрасную даму, которую он встречал в обществе Беатриче, и эта новая любовь не была последней: он любил и воспел по очереди множество дам» [Fauriel 1843: 44].

Если прочитать текст Данте так, как это делает Форьель, - заранее подразумевая полную прозрачность дискурса и наивность изображенных в нем чувств, - его действительно можно низвести до анекдота, подобного тому, к которому сводит его филолог. Однако можно быть совершенно уверенным в том, что психологическое объяснение эпизода с дамой целиком и полностью принадлежит самому Форьелю. Было бы интересно узнать, не была ли эта аналогия навеяна воспоминаниями о романе с мисс Кларк.

Хорошо известно, что роман Форьеля и молодой эмансипированной англичанки (на двадцать лет младше его) Мэри Кларк (в замужестве Моль) начался незадолго до последней болезни и смерти госпожи де Кондорсе [Galpin 1962]. Заманчиво предположить, что, говоря о Данте и его новом увлечении, Форьель (возможно, сам того не осознавая), пытался выстроить апологию собственного поведения во время болезни и сразу после смерти Софи. Если принять эту гипотезу, приходится признать, что в период работы над «Жизнью Данте», то есть двенадцать лет спустя после смерти своей подруги, Форьель все еще испытывал угрызения совести. Его текст о Данте был для него своеобразной терапией: переписывание в более авантажном для себя свете собственного прошлого помогало изгладить из памяти болезненные воспоминания.

Разумеется, Форьель был не первым и не последним, кто попытался найти реальных прототипов женских образов в текстах Данте. Его ученик Ж.-Ж. Ампер (сын знаменитого физика) в «Путешествии по местам Данте» не только принял на вооружение тезисы мэтра, но и развил их дальше. Сочинение Ампера (своеобразный туристический путеводитель по Италии Данте, наполненный сведениями по истории, литературе, архитектуре, географии и т. д.) изначально задумывалось как текст популярного характера, но этим оно и интересно. По словам Ампера, после смерти Беатриче у Данте были романы в Лукке и Падуе. «В 1306 году, - пишет Ампер, - он был влюблен в Падуе. Горько обнаруживать подобные слабости у певца Беатриче; но все же они коробят меньше, чем батарды Петрарки» [Ampère 1870: 246]. Особый интерес представляет заключение: «Данте, - пишет Ампер, - и впрямь должен был краснеть перед своей преображенной подругой когда, в сиянии славы, с высоты небесной колесницы она обращала к нему суровые упреки. Он имел все основания чувствовать себя смущенным и стоять перед ней с опущенной головой» [Ampère 1870: 246]. Поразительна легкость, с которой и Форьель и Ампер соскальзывают в своих интерпретациях последней встречи поэта и Беатриче к сцене семейного скандала.

Однако нас интересует не столько буквальное (несмотря на все предостережения автора) прочтение Форьелем эпизода смерти Беатриче, сколько психологическое объяснение, которое он ему дает. Филиппу Гиберто принадлежит следующее проницательное наблюдение:

«Мелкие интрижки Данте с большим или меньшим количеством дам и девиц (с двенадцатью или тринадцатью) доставляет самое большое удовольствие нам, заурядным людям; природа человеческая слаба, думаем мы, и мы счастливы, признаемся в этом, подчеркнуть, что Данте был такой же человек, как мы, подверженный различным слабостям» [Guiberteau 1973: 52].

Несколько упрощая, можно заключить, что обработка указанных эпизодов «Новой жизни» в статье Форьеля сообщает читателю больше о самом Форьеле и о его манере чувствовать и действовать, нежели о Данте. Если принять гипотезу, согласно которой в его интерпретации «Новой Жизни» большую роль играют воспоминания о 1822 г., то интересно отметить, что «отклонения» Форьеля от источника связаны главным образом с оправданием быстроты, с которой Данте якобы позволил себе увлечься «молодой и прекрасной дамой». Достойны быть отмеченными две вещи: во-первых, он «забывает» упомянуть о знаменитой «даме-экране», что помогла сохранить в тайне настоящий предмет любви поэта, Беатриче[1]; во-вторых, его «реалистичный» подход мешает ему заметить, что в персонаже любезной дамы, помогающей Данте забыть свое

[1] Справедливости ради нужно уточнить, что «дама-экран» упоминалась в лекциях курса в Сорбонне и в тексте 1854 г.

горе, выведена Философия. Это подтверждено самим Данте в «Пире», текст которого был хорошо известен Форьелю, поскольку он разбирал его в своих лекциях. Однако в нужные момент что-то помешало ему сопоставить оба текста. Указанные детали могут показаться незначительными, однако им можно найти удовлетворительное психоаналитическое объяснение. Психоаналитикам хорошо известен механизм забывания: например, забывают имя, которое ассоциируется с неприятными воспоминаниями, от которых хотят избавиться. Так, можно предположить, что забытая Форьелем «дама-экран» отсылала к чему-то, что он стремился забыть. Она могла, например, бессознательно ассоциироваться в сознании Форьеля с мисс Кларк: последняя, полагая себя в 1822 г. единственной женщиной в его жизни, находилась в том же заблуждении, что и «дама-экран» «Новой Жизни». Что же до механизма, задействованного во втором случае (забвение аллегорического объяснения «молодой и прекрасной дамы», данного самим Данте в «Пире», в пользу буквального истолкования), то можно предположить, что ситуация показалась слишком знакомой Форьелю, чтобы он не попал в ловушку «реалистичного» прочтения. Каков же результат этих двух изменений, внесенных в текст Данте? Убирая из повествования вызывавшую неприятные аналогии «даму-экран» и датируя любовную интригу Данте временем после смерти Беатриче и периода траура, Форьель уничтожил намек на измену, в которой теоретически можно было упрекнуть как его героя, так и его самого.

Список использованной литературы

1. Ampère J.-J. Voyage dantesque // La Grèce, Rome et Dante. Etudes littéraires d'après nature. - Sixième édition. - Paris: Didier, 1870.

2. Bertelà M. Stendhal et l'autre: l'homme et l'oeuvre à travers l'idée de féminité. - Firenze: Leo S. Olschki editore, 1985.

3. Fauriel C. Chants populaires de la Grèce moderne. - Paris, 1824-1825. - 2 vol.

4. Idem. Dante et les origines de la langue et de la littérature italiennes: Cours fait à la faculté des lettres de Paris. - Paris: Auguste Durand, 1854.

5. Idem. Vie du Dante // Revue Des Deux Mondes. - 1 octobre 1834. - T. IV. - P. 37-92.

6. Galley J. Claude Fauriel, membre de l'Institut. - Saint-Etienne, 1909.

7. Galpin A. Fauriel in Italy: Unpublished Correpondence (1822-1825). - Rome, 1962.

8. Guiberteau P. L'énigme de Dante. - Paris: Desclée de Brouwer, 1973.

9. Martineau H. Petit Dictionnaire Stendhalien. - Paris: Le Divan, 1948.

10. P.F.T. Dante // Minèrve française. - 1818. - P. 157-165.

11. Sainte-Beuve Ch. Fauriel // Sainte-Beuve Ch. Portraits contemporains. - 1855. - T. II. - P. 474 -585.

12. Stendhal. Correspondance générale / Edition de V. Del Litto. - Paris: H. Champion, 1967- 1999. - T. I.

13. Idem. Oeuvres intimes / Texte établi et annoté par H. Martineau. - Paris, 1982. (Bibliothèque de la Pléiade). - T. II.

14. Voltaire. Essais de moeurs. - P., 1956.

15. Wellek R. French Criticism between 1815 and 1858 // Studi in onore di Carlo Pellegrini. - 1963. - P. 649-679.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Муратова А. С.

Астраханский государственный технический университет

Известно, что, начиная изучать иностранный язык, все хотят научиться говорить на этом языке. Отсюда следует, что говорение играет одну из первостепенных ролей при обучении иностранному языку. Традиционно обучение иностранному языку в неязыковом вузе было ориентировано на чтение, понимание и перевод специальных текстов, а также изучение проблем синтаксиса научного стиля. Сейчас необходимо думать о перемещении акцента в обучении на развитие навыков речевого общения на профессиональные темы и ведения научных дискуссий, тем более что работа над ними не мешает развитию навыков, умений и знаний, так как на них базируется. Однако этого достаточно сложно достичь в вузе за 2-4 академических часа в неделю, имея в группе студентов с разным уровнем подготовки. К тому же обучение иностранному языку в неязыковом вузе длится обычно в течение двух лет.

Обучение устноречевому общению является важным, но одновременно сложным процессом т.к. существуют трудности, которые возникают при обучении говорению:

1. Большинство студентов стесняется говорить на иностранном языке, боясь сделать ошибки. Особенно это наблюдается на начальном этапе, так как они боятся подвергнуть себя критике со стороны преподавателя и студентов.
2. У студентов появляется опасение, что их запас слов недостаточен, чтобы вступить в общение.
3. У студентов нет достаточной информации по обсуждаемому вопросу и на родном языке.
4. При парных формах работы студенты часто переходят на использование родного языка и допускают много ошибок.

Поэтому преподавателю, прежде всего, необходимо создать доброжелательную атмосферу сотрудничества для того, чтобы студенты не боялись признавать собственные ошибки, воспринимали критику адекватно. Уроки развития навыков говорения (монологическая и диалогическая речь) должны опираться на уже сформированные лексические и грамматические навыки в рамках изучаемой темы. Одним из наиболее эффективных средств развития и формирования навыка говорения в обучении иностранным языкам по правилу считается диалог. Многие преподаватели уже давно оценили широкие возможности, сочетающиеся с ми-